

Авторская колонка

**В.А. ЖУКОВСКИЙ – ПЕРЕВОДЧИК
БАЛЛАДЫ В. СКОТТА
«СЕРЫЙ МОНАХ»
(«THE GRAY BROTHER»)**

*Павлова Мария Владимировна,
Национальный исследовательский Томский
государственный университет, г. Томск*

E-mail: dubenkomaria@yandex.ru

УДК 82-1

Аннотация. Статья представляет собой компаративный анализ оригинальной баллады В. Скотта «Серый монах» («The Gray Brother») и ее русскоязычного поэтического перевода, выполненного В.А. Жуковским и вышедшим под заголовком «Покаяние». Автор статьи выделяет основные переводческие трансформации, произведенные русским поэтом, и предпринимает попытку объяснить их, учитывая характерные особенности и тенденции, проявившие себя в поэтическом переводном творчестве В.А. Жуковского.

Ключевые слова: поэзия, перевод, В. Скотт, В.А. Жуковский.

Написанная В. Скоттом баллада «Серый монах» впервые увидела свет в 1802-1803 гг. Она вошла в третий том «Песен шотландской границы» в качестве подражания народной балладе. Хотя ритмическая организация этого произведения и позволяет говорить о формальном подражании народным образцам балладного жанра, к коим относилась большая часть произведений, вошедшая в сборник, стилистические особенности вальтер-скоттовского повествования напоминают о сентиментальных веяниях, оказавших влияние на формирование жанра литературной баллады.

Баллада «Серый монах» привлекла внимание В.А. Жуковского-переводчика в марте 1831 г. Особый интерес могла вызвать, вероятно, нравственно-этическая проблематика данного произведения, а именно тема раскаяния грешника перед Богом, которая становится в балладе центральной и выполняет сюжетобразующую функцию.

Материал неоконченной вальтер-скоттовской баллады «Серый монах» оказался очень интересен для русского поэта и предоставил неограниченные возможности для литературного творчества. Несмотря на то, что в предисловии

к балладе В. Скотт рассказал легенду, которая была взята за основу произведения, в самом тексте баллады эта легенда не нашла отражения. Это дало повод В.А. Жуковскому ввести в балладу свою историю, раскрывающую читателю тайну совершения преступления и причины раскаяния главного героя. В интерпретации Жуковского – это убийство из ревности.

Дописав окончание к вальтер-скоттовскому отрывку и организовав балладу по своему собственному усмотрению, В.А. Жуковский не только полностью изменил концепцию этого произведения, но и заявил свои права на авторство. Баллада вышла в 1831 г. в сборнике баллад и стихотворений В.А. Жуковского и скорее всего не была воспринята публикой как типично вальтер-скоттовское произведение, так как, во-первых, выпущена она была вкупе с остальными балладами поэта, а во-вторых, личность переводчика как всегда очень ярко проявляла себя в тексте повествования.

Принципиальное различие между оригинальным текстом и переводом кроется уже в самих целях написания баллады. В. Скотт создавал «Серого монаха» в ранний период своего литературного творчества на волне интереса к фольклору и будоражащим душу шотландским суевериям. Как указывает в комментариях к балладе сам В. Скотт, основой баллады стало старое суеверие, согласно которому, церковная служба не может продолжаться в присутствии грешника [1, с. 452]. Следуя принципу достоверности и «археологичности», В. Скотт связал сюжет баллады с конкретными историческими событиями, а также географическими реалиями и по традиции присовокупил к тексту баллады обширный комментарий, объясняющий таинственные обстоятельства грехопадения главного героя, скрытые в повествовании. Рассказав читателю о жестоком поступке барона Херона, заживо спалившего свою дочь, совратившего ее аббата и их пособницу, а также о старинном суеверии, В. Скотт выполняет поставленную перед собой задачу, и его баллада уже не нуждается в продолжении. Автору неважно, получит ли грешник прощение, поэтому В. Скотт оставляет финал открытым.

В отличие от В. Скотта, для В.А. Жуковского вопрос о возможности получения божественного прощения грешником является принципиальным, и по версии русского поэта, несчастный и раскаявшийся грешник, в итоге его получает. Такой финал исключительно важен для В.А. Жуковского, так как именно в этот период его творчества «восприятие добра в человеке, вера в его способность к жизнотворчеству, к самосовершенствованию так сильны сейчас в Жуковском, что в этой вере, в этой любви к человеку тонет даже грех» [2, с. 57]. Мотив милости к грешникам будет звучать почти во всех балладах позднего периода («Доника», «Ленора», «Покаяние», «Королева Урака») [2, с. 57].

По мнению В.А. Жуковского, путь к искуплению греха возможен только в случае примирения человека с Богом. Как справедливо замечает в своей статье И.А. Айзикова, «греховный по своей природе человек способен осознать свой грех, лишь «находясь под законом Божьим». Неверующие же состоят «под совестью и под законом гражданским»... Однако последнее – «для нас

необходимый», но недостаточный суд... Только «Искупитель отворяет для всего человечества дверь, ведущую в святилище Божества, затворенную грехопадением...» [2. С. 57]

Для В.А. Жуковского Бог представляется не только милосердным, но и – всепрощающим. Этот важный аспект находит свое отражение в балладе, что находит свое отражение в особом наборе выразительных средств, отличном от оригинального.

Так, В.А. Жуковский полностью организует свое произведение по принципам литературной баллады. Прежде всего, происходит отказ от рудиментарных остатков народной баллады в виде повторяющихся «I ween», которые сохранены в вальтер-скоттовском тексте. Меняется характерный ломаный балладный ритм оригинала с мужскими окончаниями на 3 и 4-стопный амфибрахий с мужскими и женскими окончаниями. В процессе адаптации текста под русского читателя Жуковский решает отказаться от незнакомых и непринципиальных для раскрытия идеи шотландских названий. На географическую отнесенность указывает лишь фраза: «К шотландским идет он горам голубым».

Имя главного действующего лица баллады, названного Скоттом лорд Альберт, переводчик опускает. Причин, по которым переводчик лишает главного персонажа имени, может быть несколько. С одной стороны, обезличивание героя может быть связано с его грехопадением, с другой стороны – характерное английское имя указывало на национальную принадлежность героя. Для Жуковского же было важно раскрыть нравственную суть вальтер-скоттовской баллады и актуализировать для русского читателя общечеловеческие ценности, не имеющие национальных различий.

Образ главного героя в переводе Жуковского претерпевает ряд изменений, в ходе которых усиливается психологическая составляющая образа. Поэт усложняет палитру переживаний персонажа, желая показать его душевные метания и путь к покаянию. Любые действия главного героя, которые В. Скотт зачастую лишь перечисляет, у В.А. Жуковского сопровождаются гаммой чувств и эмоций, которые поэт пытается донести до русского читателя.

Сцена изгнания пилигрима из храма достаточно сухо описана В. Скоттом:

В. Скотт

Amid the penitential flock,
Seem'd none more bent to pray;
But, when the Holy Father spoke,
He rose and went his way [1, с. 452]

подстрочник

Среди кающейся паствы,
Казалось, никто не согнулся так низко, чтобы
молиться.
Но, когда Святой Отец заговорил,
Он поднялся и пошел своей дорогой.

Сравним с Жуковским:

И в храме, в святой покаяния час,
Усердней никто не молился...
Но грянул над ним заклинательный глас –
Он бледен поднялся и скрылся. [3, с. 189]

Баллада В.А. Жуковского насквозь психологична. Особое эмоциональное состояние присуще и второстепенным героям. Приказ папы покинуть храм в оригинале передан менее экспрессивно, чем в переводе.

В. Скотт

«Up, up, unhappy! haste, arise!
My adjuration fear!
I charge thee not to stop my voice,
Nor longer tarry here!» [1, с. 453]

подстрочник

«Встань, встань, несчастный!
Быстро поднимись!
Побойся моего заклинания!
Я приказываю тебе не останавливать мой голос,
И более не задерживаться здесь!»

В.А. Жуковский усиливает эмоциональность высказывания за счет повторяющегося: «Беги». Таким образом, приказ папы в балладе В. Скотта «больше не задерживаться» в храме звучит торжественно и строго. В переводе Жуковского в словах папы явственно звучат ноты отчаяния.

Беги ж, осужденный; отвергнись от нас;
Не жди моего заклинанья;
Беги: да свершу невозбранно в сей час
Великий обряд покаянья [3, с. 189].

Отчаяние, безысходность, глубокое раскаяние и ожидание прощения пронизывают все повествование баллады В.А. Жуковского, которому важно показать путь человека к покаянию. Не случайно слово «покаяние», ни разу не упомянутое В. Скоттом, в балладе В.А. Жуковского встречается четыре раза, а также выносится в название. При этом особую роль играют эпитеты, используемые русским поэтом: «великий обряд покаянья», «святой покаяния час».

В. Скотт-повествователь рассказывает историю о грешнике. В.А. Жуковский помимо истории дает свою собственную оценку происходящему. «Дыхание одного злого деяния // Оскверняет наш святой день», – говорит папа в балладе В. Скотта. В.А. Жуковский заявляет напрямую: «Есть грешник великий во храме святом! // И бремя на нем святотатства!» Тот, кого Жуковский назвал «великим грешником», чья душа «погублена отныне», в переводе В. Скотта назван просто «a being, whom no blessed word to ghostly peace can bring» (существо, которому благословенное слово // Не принесет душевный покой). Таким образом, Жуковский заметно усложняет нравственно-философскую проблематику баллады и усиливает ее драматичность.

Отдельное внимание следует уделить природным образам. Красоты умиротворенной шотландской природы, описанной В. Скоттом в пасторально-идиллических тонах, контрастируют с внутренним состоянием главного персонажа. Этот контраст особенно заметен в переводе В.А. Жуковского.

Природа в творческом мировосприятии русского поэта играет особую роль, что всегда отмечается исследователями балладного творчества В.А. Жуковского. Состояние души человека неизменно отражается на окружающей его природе. В балладах о грешниках В.А. Жуковский нередко показывает бушующую водную стихию. Природа словно противится греховным деяниям персонажей и становится предвестником страшной расплаты, которая неизбежна. Неизбежное отчуждение человека от окружающей его природы после совершения греха для В.А. Жуковского – действующая аксиома, закон мироздания, который должен был работать и в вальтер-скоттовском тексте.

В отличие от ранних баллад Жуковского, в балладе «Покаяние» чувство страха вызывает не кара за совершенное преступление, не бушующая стихия, но вечное одиночество погубленной души и невозможность прощения. Это одиночество, отчужденность, вечное бремя свершенного преступления – и есть кара за грехопадение.

Характерные приемы повествования, ярко проявившие себя в балладе «Покаяние» и других балладах позднего периода, как то: идея драматического противостояния индивидуума и обстоятельств, особый накал этической проблематики, детализация психологических описаний, яркие пейзажные зарисовки, бытоописания, – находят свое воплощение в последующих лиро-эпических опытах русского поэта, где зачастую становятся еще ярче. Так, например, в стихотворной повести «Суд в подземелье» В.А. Жуковский заметно расширяет бытоописания, а драматическое противостояние личности с окружающей его действительностью становится еще более трагичным и приобретает печать тотального одиночества, безысходности и неминуемой гибели.

Литература:

1. Scott W. The poetical works of sir W. Scott complete in one volume. – Paris: A. and W. Galignani. – 1827. – P. 452-454.
2. Айзикова И.А. Мотив греха и раскаяния в балладах В.А. Жуковского // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы. – Новосибирск, 1999. – С. 57.
3. Жуковский В.А. Полн. собр. соч.: в 20 т. - М.: Языки славянских культур, 2008. – Т. 3. – С. 188-195.